

К книге Х.Арендт «О революции». Возможность революции в современном мире

Научный руководитель – Губман Борис Львович

Беликов Дмитрий Александрович

Аспирант

Тверской государственной университет, Тверь, Россия

E-mail: dimitri-belikoff@yandex.ru

Идея революции не могла появиться раньше идеи прогресса, идеи того, что все человеческое мироустройство: наука, искусство, техника, социальное и политическое устройство все это должно следовать по пути неизбежного и непреклонного постоянного совершенствования. И идея эта родилась не раньше наступления Нового времени. «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства — от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение. . . Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она даёт достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия её решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления» - пишет К.Маркс в широко известном пассаже. [1, с.8] Именно поэтому Маркс и называет революции «локомотивами истории». И в связи с этой идеей неуклонного прогресса, важно заметить, что всегда и во все времена, как бы это не вуалировалось, не право определяет власть, а власть определяет право.

Самоочевидно, что революция - это неправовая смена власти, но, как и война она, не во всем, но во многом, по ту сторону закона. Здесь можно воспользоваться метким определением фон Клаузевица и сказать, что, как и война, революция «есть продолжение политики другими средствами».

По словам Арендт, одна проигранная война - равна одной выигранной революции и также, что «гонка ядерных вооружений обернулась разновидностью предварительных военных действий, в которых противники демонстрируют друг перед другом разрушительную силу своего оружия; и как всегда сохраняется опасность, что эта смертельная игра может внезапно стать вполне реальной войной, так и нет ничего невозможного в том, что однажды “холодная” война может завершиться победой одной из сторон, так и не став “горячей”». [2, с.12] И, собственно, правдивость и прозорливость этих пропозиций подтверждают события августа 1991г. в СССР.

Далее Арендт в отрывке выделяет основные факты, касающихся современных войн и современных революций: «Во-первых, это тот факт, что семена тотальной войны проросли не ранее Первой Мировой войны, когда различие между военным и гражданским населением уже не бралось в расчёт поскольку было несовместимо с применением новых видов оружия. . . . А именно, после Первой Мировой войны нам представляется уже как бы само собой разумеющимся, что никакое правительство, никакое государство и никакая форма правления не обладает достаточной прочностью чтобы пережить поражение в войне. . . . Империи в Третью Республику во Франции; а русская революция 1905 года, последовавшая за поражением царизма в русско-японской войне, явилась зловещим знаком той участи, которая уготована режимам в случае их военного поражения. Как бы то ни было, революционное изменение правления, осуществляется ли оно самим народом, как это было после 1-й Мировой войны, или же навязано извне победителями наряду с требованием безоговорочной капитуляции и наказания военных преступников, относится сегодня к наиболее вероятным последствиям поражения в войне, если не считать, конечно, полного уничтожения».

На основании вышеизложенного, Х.Арендт делает следующие выводы: «И, наконец, и в данном отношении наиболее важное, это тот факт, что взаимовлияние и взаимосвязь между войной и революцией неуклонно возрастает, а акцент в их взаимоотношении всё более и более смещается от войны к революции. Безусловно, эта взаимосвязь между войной и революцией не так уж нова; она родилась вместе с революциями, которым либо предшествовала и сопутствовала война за освобождение, как в случае Американской революции, либо же они сами вели к оборонительным или агрессивным войнам, как это было во Французской революции. . . . Даже если нам удастся изменить облик нашего столетия таким образом, что оно более не будет уже столетием войн, оно по всей очевидности останется столетием революций. Те же, кто по обыкновению делает ставку на политику силы, а значит, и на войну как последний козырь, рискуют в недалёком будущем оказаться за бортом мировой политики». «И всё же, сколь бы не было необходимо в теории и на практике отделить войну от революции, не следует забывать об их общности: тесной связи с насилием, выделяющей одну и вторую из всех остальных политических феноменов. Одной из причин, почему войны столь легко обращаются в революции, и почему революции столь склонны к провоцированию войн, является, несомненно, то, что насилие выступает своеобразным общим знаменателем для обеих». [2, с.5-12] Мы привели эту довольно пространную цитату, чтобы сразу обозначить главные положения, высказанные философом уже во введении.

По словам Х.Арендт, любое революционное движение после Великой французской революции стало рассматриваться как ее продолжение.[2, с.63] Если говорить о настоящем времени, то такие вещи как: декларация прав человека, Великая хартия вольностей и прочие -Liberté, Égalité, Fraternité (Свобода, равенство и братство) - это, скорее, интеллектуальный плод Нового времени, т.е. 17-19 вв. детище Английской, Американской и Великой французской революций. Однако, не нужно доказывать, что эти идеалы уже стали неустрашимой, составной частью сознания и мировоззрения человека Новейшего времени, вошли, так сказать, в его плоть и кровь. Стали некими его (человека), опять же, пользуясь философским словарем Нового времени, «врожденными идеями». Свобода, по Арендт, - главное определение человека как субъекта культурного творчества. Требования свободы, как мы уже поняли, не естественны, а искусственны, но эта искусственность возникающая после великих буржуазных революций уже больше чем два века воспринимается как новая естественность.

Вновь возвращаясь к Карлу фон Клаузевицу, говорившего, что «война - это просто продолжение политики другими средствами», революция - это просто продолжение

внутренней политики другими средствами, некоторые, впрочем, считают, что и политики внешней (современный случай так называемых «цветных революций»). Однако, концепция «цветных революций» не заслуживает, на наш взгляд, никакой серьезной критики постольку поскольку содержит в своей основе ложный тезис о возможности экспорта-импорта революций. В то время, как революция и даже такая полу-революция, как революция «цветная» есть вещь по большей части имманентная, внутренние факторы тут вещь первостепенная. Если нет внутренних причин и внутреннего спроса, то и никакой импорт не представляется возможным осуществить. Революция, как и государство не могут быть принесены извне. Условной культуре «каменных топоров» не нужны ЭВМ, как самое большее им могут подойти стеклянные бусы. Пример Африки показывает, что все что может быть перенесено на африканскую почву и более или менее эффективно там работать это «белая» администрация. Здесь мы рассмотрели случай государства, но и в случае с инфицированием «революционными флюидами» должно быть «политическое тело» в которое они могут попасть и к которому оно («тело») может быть восприимчиво.

Здесь можно сослаться на великого теоретика и практика революционного движения В.Ленина - революция не возможна без революционной ситуации (хотя и не каждая революционная ситуация с необходимостью приводит к революции), без классического «верхи не могут, низы не хотят». А, если подробнее, то: «Основной закон революции, подтвержденный всеми революциями и в частности всеми тремя русскими революциями в XX веке, состоит вот в чем: для революции недостаточно, чтобы эксплуатируемые и угнетенные массы сознали невозможность жить по-старому и потребовали изменения; для революции необходимо, чтобы эксплуататоры не могли жить и управлять по-старому. Лишь тогда, когда «низы» не хотят старого и когда «верхи» не могут по-старому, лишь тогда революция может победить. Иначе эта истина выражается словами: революция невозможна без общенационального (и эксплуатируемых и эксплуататоров затрагивающего) кризиса».[3, с.69-70] А будь это иначе, то посредством финансирования извне соответствующих социальных и политических групп, и канализирования протестных настроений можно было бы правительству и спецслужбам страдающей от «цветной революции» державы организовать ответную революцию, осуществить, так сказать, ее реэкспорт. Чего на практике мы, разумеется, не видим.

Есть мнение, что в постиндустриальном обществе революции уже более невозможны [4] и все изменения в нем происходят естественным демократическим путем, путем выборов, референдумов и т.д. Однако, как это соотносится с революциями?

Еще от Н.Некрасова мы знаем, что «дело будет прочно, когда под ним струится кровь». В.Ленин так же указывал на необходимость готовности к гибели. Но уже Джин Шарп в эссе «От диктатуры к демократии, концептуальные основы освобождения» датированным 1973г.[5] утверждает, что лучше использовать «мягкую силу» и для самой оппозиции, для победы ее дела выгоднее находиться даже более в правовом поле чем та власть, которой она (оппозиция) противостоит. И даже предлагает список из 198 ненасильственных действий по свержению существующей (или предполагаемо существующей) диктатуры.

Но, как нам кажется, Д.Шарп показывает здесь лишь только одну сторону медали, а с другой ее стороны находится то, что «готовность умереть» у человека, сражающегося за вход в постиндустриальное общество, по понятным причинам, стоит отнюдь не на первом месте. Утрируем, но его (данного человека) трудно представить сражающимся за что-то кроме нового ноутбука или холодильника в магазине электроники в «черную пятницу». Если верить словам Маркса о том, «что пролетариату нечего терять кроме своих собственных цепей», то у сегодняшнего пролетариата, в том числе у пролетариев умственного или около умственного труда цепи зачастую уже из серебра и ради новых и более широких возможностей потребления он (привет марксовому отчуждению) с готовностью

обменяет их на золотые, но, в то же самое время, вряд ли будет готов отдать за это жизнь. Современного человека, этого ницшеанского «человека без груди», живущего по принципу «пусть весь мир рухнет, а мне бы кофею попить» в принципе сложно воодушевить на что-то такое, за что он должен пожертвовать собственной, как ему представляется (о перезревшие плоды Просвещения), бесценной жизнью.

Так и выходит, что в так называемых странах Третьего мира, странах Латинской Америки, Африке, Средней и Малой Азии, ряде стран СНГ - эти требования, по большей части, сводятся не к борьбе за какой-то «прекрасный новый мир» и «деспотию свободы», а к тривиальным, хоть и справедливым требованиям о повышении уровня благосостояния обычных людей и улучшению правового климата. То есть, по определению, является войной за полумеры с полудиктатурами. Почему полудиктатурами? Все потому что, тоталитаризм есть то, что в полном объеме уже невозможно повторить. И, собственно, человеческая история знала лишь две «полноценные» диктатуры, это тоталитарные режимы А.Гитлера и И.Сталина. [6, см. Послесловие]

И снова возвращаясь к дню сегодняшнему, дело тут, как кажется, лишь в несоразмерно большом куске пирога, который забирают себе власть предержащие и их друзья. Здесь и у власти тоже нет и не может быть никакой настоящей идеологии (хотя, как может быть настоящей просто одна из форм ложного сознания, что-то вроде новой мифологии). Они и сами (власть предержащие) одной ногой в постиндустриальном обществе. Правда, скорее, в тренде 60-90х гг. времени неумолимого потребления.

Со столбовой дороги истории, как пророчит Ф.Фукуяма [7], уже не свернуть. И как видится, часть стран уже вошла в постиндустриальный мир, часть чуть позже присоединится к историческому авангарду, часть же государств так и останется на положении пасынков истории. Причем, из последних - одни государства станут пролетариями современного и будущего миров, а часть государств займет промежуточное положение люмпен-пролетариата. Однако знать заранее, кто и на каком месте окажется не дано, как лютеранстве не дано знать, кто спасется, а кто навеки проклят (пути Господни по-прежнему неисповедимы, хоть все и предопределено заранее). И, как и в лютеранстве, косвенно указать на возможную богоспасенность может лишь относительное благосостояние человека (здесь страны).

Постиндустриальное общество как общество в общем безыдейное и безидеологичное способно преодолеть, обойти на пути к своему утверждению почти все преграды и препоны в виде диктатур, прокисших идеологий, нищеты, политического бесправия etc., устанавливая вместо этого не единственную, но прагматически верную идеологию потребления, в 60-90-х гг. (и эту стадию страны Первого мира уже прошли) безудержного, а ныне уже ответственного потребления. Ведь, по Марксу, уже с конца XIX в. главная цель революции отнюдь не свобода, а всего-навсего изобилие. [2, с.82]

Подвергая анализу «цветные революции», исследователь М.Кагарлицкий небезосновательно считает события 91 г. в России, как раз таки примером, состоявшейся «оранжевой революцией»: «При этом ни сторонники, ни противники экспорта «оранжевой революции» в Россию не понимали (вернее, не желали открыто признавать), что подобный экспорт невозможен в силу объективных социально-исторических причин. Российская, точнее - московская, «оранжевая революция» уже произошла в 1991 году, резко ускорив переход страны к капитализму. Это, собственно, и была единственная успешная «оранжевая революция», которая не просто состоялась на улицах столицы, но и резко изменила жизнь миллионов людей. Другой вопрос, что для большинства не в лучшую сторону. Последовавшие события 1993 года с очередным появлением бронетехники на московских улицах как раз знаменовали конец «оранжевого» периода отечественной политики, когда игра в игрушки кончилась, борьба пошла всерьез, а правящие элиты, хоть и не консоли-

дировались, но уступать инициативу низам общества были явно не намерены». [8]

То есть, Кагарлицкий прямо указывает, что «цветная революция» в России уже произошла, - это уже сыгранная возможность.

При поражении революции страна возвращается часто даже не на предыдущий, а на пред-предыдущий этап в своем развитии, ситуация в общем-то само собой разумеющаяся, вслед за несостоявшейся революцией неизбежно следует контрреволюция. Доказательствами могут послужить так называемая «реставрация Бурбонов» во Франции, политические репрессии и социальное переустройство после Венгерского восстания 1956г., Событий 17 июня 1953г. в ГДР и Ввода советских войск в Чехословакию в 1968г., или возможность прихода к власти ГКЧП в СССР, которое (ГКЧП), сыграв тогда именно эта возможность, скорее всего сразу бы превратило страну из пост-тоталитарного в неототалитарное государство наподобие Северной Кореи.

Вместе с тем, то что произошло в Европе после Второй мировой - это квазиреволюции, по сути, захват территории, подделывающийся под внутреннее волеизъявление «широких народных масс». Здесь (с Восточной и Центральной Европой) получился некий парадокс рассказа «зеркала русской революции» Л.Толстого «Много ли человеку земли надо». СССРхватило ровно столько земель, сколько оно сумело пройти во Второй мировой войне и с тем же ровно итогом, что и в рассказе Льва Николаевича. Собственно, произошел тот же раздел сфер влияния на блок стран НАТО и блок стран Варшавского договора, и похожая ситуация уже имела место быть в 1939г. когда СССР и нацистская Германия делили Польшу. Ну, и как будто по злой иронии судьбы, Вторая мировая, по факту, началась и окончательно завершилась именно в Польше. Вместе с тем, и квазиреволюции инспирированные Советским Союзом в конце 40-х начале 50-х гг. (бывшие, как мы уже говорили, по сути захватом власти и территории) и перечисленные выше восстания в ГДР, Венгрии и Чехословакии, показали, что владение в достаточном количестве ядерным вооружением наделяет государство безоговорочным правом сильного. Эти и подобные им ситуации со всей ясностью дали понять, что не один из мировых игроков не готов в известном случае вмешаться в эту игру с ненулевой суммой и обменять локальную революцию на тотальную войну.

Возможность победы революции в современном мире в стране, обладающей ядерным потенциалом (см. Северную Корею), как представляется автору, почти целиком и полностью зависит от желания власть предержащих удержать эту самую власть. В крайнем случае, любое даже самое жестокое государственное насилие можно задним числом оправдать - предательством нации, терроризмом, экстремизмом, саботажем, диверсией и т.д., и т.п. И как пишет Х.Арендт: «Революция была - и добавим мы и будет - невозможной, как правило, в тех государствах, где авторитет политической системы поддерживался на должном уровне (в современных условиях это прежде всего подразумевает верность вооруженных сил и полиции гражданским властям)» [2, с.157] И, еще добавим мы от себя, для потенциально успешной «революционной ситуации» необходим жесткий и непримиримый раскол элит на модернизаторов и консерваторов, на что, в частности, указывал еще В.Ленин.

В тоже время, как мы знаем от Х.Арендт, поражение в войне может обеспечить ситуацию властной растерянности, государственной прострации, когда короны, по словам Энгельса, могут буквально валяться на мостовой. И решительный человек, смелая партия могут воспользоваться этой ситуацией политического вакуума и заполнить его собой, что мы и видели в 91г. в СССР с Б.Ельциным и «народными демократами» (масло масляное). И как вновь вторит Ф.Энгельсу Х.Арендт в своем трактате «О революции»: «Причина, по которой революции с поразительной легкостью добивались успеха на начальной стадии, проста: вершачие ее люди просто первыми подбирали власть, фактически валявшуюся у

них под ногами; революция - это всегда следствие и никогда - причина краха политического режима».[2, с.157]

И возвращаясь к 91 году, оказался главным тузом в рукаве, и сыграл на руку новоиспеченным революционерам как раз проигрыш СССР в «холодной войне». Однако же, случай этот, произошедший в ядерной сверхдержаве пока что был и остается первым и единственным в Мировой истории.

Источники и литература

- 1) К. Маркс и Ф. Энгельс, изд. 2, // ПСС - т. 13, - М.: Издательство политической литературы, 1959г.
- 2) Ханна Арендт «О революции». - М.: Издательство «Европа», 2011.
- 3) Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // ПСС. — Т. 41. – М: Издательство политической литературы, 1981.
- 4) Белл Дэниел «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования» - М.: Academia, 2004.
- 5) Джин Шарп «От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения». Институт им. Альберта Эйнштейна (свободно распространяемые материалы);
- 6) Ханна Арендт «Истоки тоталитаризма». – М.: ЦентрКом, 1996.
- 7) Фрэнсис Фукуяма «Конец истории и последний человек». – М.: АСТ, 2015.